

ПРОБЛЕМА ЗНАЧЕНИЯ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

Морозова Е.И., канд. филол. наук (Харьков)

Проблема значения может быть отнесена к «разряду вечных» [12:71], поскольку каждая новая парадигма гуманитарного знания предлагает для нее свое решение в зависимости от того, каким образом в ней понимается сущность языка, его соотношение с мышлением и действительностью, природа познания, человеческого разума, сама сущность человека. М. Даммит пишет, что «любую проблему, решение которой, при условии, что выбор центрального понятия для теории значения сделан, поможет ответить на вопрос о правильности этого выбора, следует считать прямым делом философии языка» [6:212]. Но проблема значения не относится лишь к области философии, она является и «частью психологии понимания и процессов интерпретации и в то же время – частью этнографии культуры» [8:129]. Таким образом, проблема значения, несомненно, является междисциплинарной, но для лингвистики она имеет особую актуальность, поскольку без ее рассмотрения «языкознание как самостоятельная наука существовать не может» [7:76].

В свете глобального «поворота к человеку», который характеризует современное состояние языкознания и гуманитарных наук в целом, концепция значения предстает как семантическая теория опыта и выводного знания. Если структурная лингвистика локализовала значение в сфере семантической значимости, создаваемой системой языковых знаков, а логико-философская семантика основывала свое понимание значения на референции и истине, то антропоцентрически ориентированная лингвистика, в основе которой лежит образ языка как «пространства мысли» [17:32], связывает значение с концептуализацией, т.е. вводит в модель значения

«познающий разум». Согласно такому подходу, слова, представляющие собой «семантические конденсации с определенной степенью синхронной стабильности» [8:129], являются всего лишь «отправными пунктами для нашей деятельности по получению выводного знания, это – относительно фиксированные пункты, отталкиваясь от которых мы формулируем гипотезы в процессе понимания и приписывания значения тексту» [там же]. Понимание значения как «определенной структуры знания и / или мнения, возникающей в ходе процессов концептуализации и категоризации мира и их объективации с помощью тех или иных языковых форм, т.е. формирующейся в актах номинации и семиозиса» [13:38], характерно не только для современной когнитивной семантики, но и для функциональной лингвистики в целом, поскольку, как подчеркивают А.А.Кибрик и В.А.Плунгян, «когнитивная лингвистика несомненно должна считаться частью функционализма» [9:324].

Когнитивная семантика, однако, не представляет собой методологически единого направления, что проявляется, в первую очередь, в принципиальных различиях в трактовке ее ключевого понятия – концептуализации. Это означает, что природа значения понимается представителями различных направлений в общем русле когнитивной семантики по-разному, что влечет за собой существенные различия в методах и подходах к анализу семантики лингвистических единиц. Целью настоящей статьи является сопоставление объяснительного потенциала символических и субсимволических моделей значения, которые предлагает современная когнитивная семантика, и соотнесение на этой теоретической основе плана содержания высказываний, в которых говорящим намеренно искажается действительное положение вещей, с семантикой языковых номинаций лжи.

А. Г. Сонин суммирует методологические различия в подходах в общем русле когнитивной семантики следующим образом: «на сегодняшний день развитие репрезентационного (доминирующего, но не единственного) подхода к исследованию когнитивных процессов стимулируется

противостоянием двух концепций (архитектур): *классической* и *коннекционистской*. Представители *классической* парадигмы предлагают модели, в которых ментальные репрезентации – это символические структуры, включающие компоненты, поддающиеся семантической интерпретации (обладающие неким внеконтекстным значением), а ментальные процессы – манипулирование этими компонентами, регулируемое набором врожденных правил. С точки зрения *коннекционистов* ментальные репрезентации – это паттерны (относительно стабильные узоры) активации в сети, состоящей из элементарных единиц (узлов), не поддающихся семантической интерпретации (соответственно, паттерны не имеют семантически интерпретируемых компонентов), а ментальные процессы рассматриваются как распространение активации этих паттернов. Противостояние между двумя подходами к трактовке понятия репрезентации находит свое выражение в решении всех ключевых вопросов когнитивистики» (курсив автора) [16:168].

В основе классической и коннекционистской методологий лежат различные философско-онтологические посылки. Так А. Вежбицкая [23, 24, 25], постулируя существование «глубинных семантических структур» – семантических примитивов, наличие которых дает людям возможность понимать друг друга и порождать другие значения – занимает позицию, согласно которой концептуализацией является лингвистическая организация уже существующего индивидуального ментального содержания. Значением в ее понимании является «знание, что», т.е. компетенция. Согласно такому подходу, ментальные репрезентации являются единицами представления мира в сознании человека, замещающими объекты и явления материальной или идеальной действительности в мыслительных процессах, т.е. структурами символическими, в силу чего эту линию анализа называют символическо-репрезентационной. Последняя, наследуя реализм как сильную сторону учения Аристотеля (признание основополагающей роли когниции, имеющей экспериенциальную основу), разделяет и его субъективизм, что

порождает целый ряд трудностей в построении ментального языка [см.11:100-101]. А. Г. Сонин справедливо подчеркивает, что данное направление когнитивных исследований «предлагает не столько концепции самого языка, сколько концепции ментальных процессов, лежащих в его основе, предпочитая исследованию языкового разнообразия анализ универсальных форм репрезентации» [16:102].

Коннекционисты рассматривают в качестве значения «знание, как», т.е. употребление языка, перформацию. Концептуализацией в их понимании является лингвистическая организация референтной ситуации в общем межличностном мире коммуникантов. Отрицая как крайний объективизм, так и радикальный идеализм, коннекционисты занимают объективистскую позицию в вопросе о существовании экстралингвистической реальности: последняя, по их мнению, независима от субъективного восприятия, хотя ее часть, идеальная сторона действительности, существует лишь при условии наличия субъекта. Они, однако, не являются объективистами в трактовке значения, полагая, что последнее не может быть переведено в независимые от разума категории, и определяют свою методологическую позицию как «реализм опыта». Предлагаемые коннекционистами модели получили название субсимволических, поскольку они «отвергают автономный символ как носитель смысла» [16:176]. «Если в символических моделях извлечение знания требует обращения к «готовой» репрезентации, а новые знания сличаются с уже имеющимися, извлеченными или переведенными из долговременной памяти в кратковременную, то в коннекционистских моделях знания как бы создаются заново» [11:88].

Коннекционисты отходят от многовековой традиции реификационного подхода к содержанию языкового знака, т.е. концептуализации его как объекта. Содержание языкового знака в их моделях предстает не как объект, а как интерактивная функция, «событие связи между различными и лишь отчасти соизмеримыми знаковыми системами» [22:xii] – ментальными

репрезентациями и лингвистическими знаками, т.е. как информация, которая конструируется говорящими в дискурсе.

Коннекционистский подход подвергался жесткой критике со стороны представителей классического когнитивизма. По мнению Дж. Фодора и З. Пилишина [18], модели, предлагаемые коннекционистами, неадекватны, поскольку репрезентации должны иметь стабильное семантическое содержание, выводимое из входящих в их состав концептуальных примитивов, и поддаваться синтаксической манипуляции в рамках композиционных процессов. В основе критики такого рода лежит принципиальная несовместимость позиций классического когнитивизма и коннекционизма. Д. Чалмерс критикует логику рассуждений Фодора и Пилишина следующим образом: «Безумный ученый доказывает, что Земля – единственная во Вселенной планета, на которой нет жизни. Его априорная предпосылка состоит в том, что биохимические реакции, необходимые для эволюции жизни, не могут возникнуть. Поэтому жизнь на Земле не может существовать. Однако жизнь на Земле существует, и коннекционистские модели существуют и служат наравне с классическими» [цит. по 16:176].

Ю. Г. Панкрац занимает в данном вопросе компромиссную позицию, справедливо, на наш взгляд, полагая, что символические и субсимволические модели «работают» на разных уровнях и связаны с решением разных когнитивных проблем и что в будущем, возможно, наибольшее признание получат некие гибридные модели, «в которых будет учтен тот положительный опыт, который касается понятий ментальных репрезентаций, понятия правил и операций с символами, с одной стороны, и представлений о параллельном распределении обрабатываемой информации по разным участкам нейронной сетки и о самой сети как зависящей от гибко устанавливаемых связей и их силы, с другой» [11:89].

Подтверждением обоснованности данной позиции может служить тот неоспоримый факт, что между значением лексических единиц, в которых получает языковую объективацию то или иное явление действительности, и

обретаемым ими в высказывании смыслом существует органическая связь. Природу этой связи ярко иллюстрирует метафорический образ, который приводит А.А.Залевская [8:128], анализируя семантическую теорию Патриции Виоли: значение слова – это перекинутая через бездну смысла тонкая рейка, которая является частью этой бездны и из нее исходит. Данная метафора подчеркивает, что «значение языка неразрывно от значения, которое мир имеет для нас, поскольку мы интерпретируем языковые выражения посредством тех же схем, которые мы используем, чтобы придать смысл окружающему нас миру, нашему восприятию, чувствам, действиям и всему, что их мотивирует» [8:129].

На выявление закономерностей связи значения и смысла направлены сегодня многочисленные исследования, проводимые в русле функциональной лингвистики в направлении «от значения к смыслу». Однако уяснение природы связи значения и смысла предполагает также и ответ на вопрос, каковы механизмы превращения личностного смысла в общепонятное значение. В этой связи Х. Вайнрих пишет: «язык познается через предложения и тексты. Тем самым сначала у человека имеется лишь несколько представлений, их немного; затем, с расширением языковой практики, возрастает количество представлений на основе услышанных и запомнившихся предложений. Однако человек не только имеет представления, но и образует из них – и это совершенно правильная гипотеза – значение. Этим достигается второй семантический полюс, и слово усвоено. Теперь его можно употреблять отдельно. В процессе употребления слова в разных предложениях гипотеза значения постоянно корректируется. Интересно, что мы как носители некоторого языка ежедневно играем в создание гипотезы и проверку ее правильности или ложности, в ту же самую игру, на правилах которой основана наука. Язык по своей структуре и есть наивная наука» [3:52-53].

Таким образом, роль высказывания, которое М.М.Бахтин характеризовал как «проблемный узел исключительной важности» [2:431],

определяется не только тем, что в нем значения лингвистических единиц обретают контекстные смыслы, но и тем, что оно является той средой, в которой возникают новые смыслы, которые в результате многократного повторения типовой коммуникативной ситуации «укореняются» (entrenched) [21:4]. Суть психологического понятия «укоренения» заключается в том, что повторение мыслекоммуникативного события оставляет в сознании индивида след, который облегчает ментальную обработку повторных событий. Повторение события, даже весьма сложного, способно превратить его в привычную, легко воспроизводимую «рутину». Когда сложная концептуальная структура, пишет Р. Ленекер [там же], может быть использована как «заготовка» ('pre-packaged' assembly), не требующая осознанного внимания к своим компонентам, она обретает статус лингвистической единицы.

В отечественной лингвистике существует близкое «укоренению» понятие «закрепления лексического значения в языке». Их различия заключаются в следующем. Во-первых, психологический термин «укоренение» является более широким, поскольку распространяется не только на единицы лексико-фразеологической системы языка, но и на разговорные формулы, а также на абстрактные схемы [21:7]. Во-вторых, как пишет В. Г. Гак, «об изменении лексического значения слова говорят только при социальном закреплении изменения в языке, в противном случае изменение отношения номинации приводит лишь к особому употреблению слова» (разрядка автора) [4:262]. Таким образом, термин «закрепление значения в языке» соотносится с конечным результатом процесса «укоренения», т.е. предстает как точка на своеобразной шкале конвенционализации, в то время как термин «укоренение» соотносится с отрезком на этой шкале, предполагая существование различных степеней «укоренения» [20:62].

Применительно к феномену лжи такое понимание процесса формирования значения соответствующих лексических единиц может быть

представлено следующим образом. Формирование понятия лжи происходит на концептуальном фоне истины, которая при «преломлении в зеркале жизни» предстает как правда [1:22]. Психологи считают, что адресат исходит из презумпции истинности сообщения, которая меняется в процессе последующей обработки высказывания, если в этом возникает необходимость [5:251]. Это означает, что на начальном этапе когнитивной обработки единичного, конкретного высказывания адресат, после наложения на информационный поток символического формата, сличает свое эпизодическое представление о соответствующем событии с хранящейся в его памяти когнитивной схемой, ментальным «эталон» нормативной коммуникации. В случае несовпадения схем это коммуникативное событие определяется как не относящееся к области истинных сообщений, а следующим этапом его когнитивной обработки является интерпретация намерения продуцента высказывания, содержание которого не соответствует истинному, с точки зрения реципиента, положению вещей. Оно может варьировать от искреннего намерения информировать собеседника (в этом случае мы имеем дело с ошибкой) до скрываемого намерения ввести его в заблуждение, что является отличительной чертой лжи.

Путем абстрагирования наиболее существенных черт от ряда единичных коммуникативных событий, отклоняющихся от эталона по параметрам истинности сообщаемой информации и искренности сообщаемого ее продуцента, образуется абстрактная схема типового коммуникативного события лжи, которая в результате многократной последующей активации рутинизируется, подводится под тело языкового знака (в английском языке – *lie*), т.е. становится вербализованным концептом LIE.

Формирование более широкого фрагмента лексической системы английского языка, соответствующего концептуальной категории (conceptualcategory) [19:Part I] лжи, происходит по принципу расширения и развития основного, «семиотического» [10:305] значения лексемы *lie*.

Принимая решение относительно возможности соотнесения данного слова с последующим опытом восприятия отклоняющихся от коммуникативной нормы по параметрам истинности и искренности единичных сообщений, концептуализатор сравнивает сформировавшуюся у него ментальную картину происходящего с подведенной под слово *lie* схемой, в которой зафиксированы наиболее существенные характеристики соответствующего концепта. Ментальная репрезентация конкретной ситуации может полностью соответствовать уже имеющейся схеме – в этом случае имеет место прототипическая ложь, а может и отличаться от нее по ряду параметров – тогда речь идет о периферийных членах данной категории, которые могут одновременно относиться и к другим категориям. Оценивая возможность употребления лексемы *lie* применительно к конкретной ситуации в последнем случае, говорящий либо расширяет ее значение – это путь полисемии, либо, в случае значительного несовпадения, использует другую лексическую единицу – так образуются синонимические ряды.

Таким образом, процесс формирования значения слова *lie* включает стадии категоризации (сравнения ментальной репрезентации единичного события с «эталоном», укорененной схемой нормативного коммуникативного события), схематизации (абстрагирования релевантных черт коммуникативного события лжи), композиции (слияния этих черт в производных номинациях лжи) и укоренения концепта LIE – процесса, завершающегося его символизацией, т.е. соединением с определенной языковой формой. Такое понимание позволяет, с одной стороны, говорить о первичности категоризации в образовании концептуальных структур [14:8], но, с другой стороны, категоризация происходит путем сопоставления ментальной репрезентации единичного события с уже концептуализированной и укорененной схемой нормативного коммуникативного события.

Понимание процесса формирования значения лексических номинаций как процесса «укоренения» возникающих в реальной коммуникации смыслов

показывает, каким именно образом осуществляется объединение усилий когнитивной и коммуникативной лингвистик, т.е. осуществляется декларируемое сегодня сближение когнитивной и коммуникативной парадигм. Связь между абстрактными языковыми репрезентациями и конкретными коммуникативными событиями является весьма тесной. Основой, на которой формируется языковая система, являются коммуникативные события, представляющие собой конкретный опыт, от которого происходит абстрагирование. В свою очередь, схемы, абстрагированные от «повторения сходных случаев употребления» [Langacker 1987; 2000], активируются в каждом конкретном коммуникативном событии. Таким образом, коммуникативные события играют двоякую роль: они возникают вследствие наличия языковой системы и формируют ее, образуя замкнутый цикл. Семантика языковых единиц предстает не жестко фиксированной, а динамичной, подверженной изменениям в употреблении.

Нам представляется, что на статус дисциплины, на основе которой произойдет не слияние, а концептуальная интеграция когнитивной и коммуникативной лингвистик, может претендовать дискурсивная лингвистика, представляющая собой «интегральную сферу изучения языкового общения» [15:99] и моделирующая дискурс и как конкретное коммуникативное событие, и как тип.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Истина: фон и коннотации // Логический анализ языка. Культурные концепты / Под ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: Наука, 1991. – С.21-30.
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. – М.: Художественная литература, 1986. – С.428-472.
3. Вайнрих Г. Лингвистика лжи: Пер. с нем. // Язык и моделирование социального взаимодействия / Сост. В.М.Сергеева и П.Б.Паршина; Общ. ред. В.В.Петрова. – М.: Прогресс, 1987. – С.44-87.
4. Гак

2003. – 280 с. 16. Сонин А.Г. Когнитивная лингвистика: Становление парадигмы. – Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2002. – 221 с.17. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца 20 века. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. – С.35-73.

18. Fodor J.A., Pylyshin Z.W. Connectionism and cognitive architecture: A critical analysis // *Cognition*. – 1988. – No 28. – P.3-71. 19. Lakoff G. *Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. – Chicago, London: The University of Chicago Press, 1987. – 614 p. 20. Langacker R.W. *Foundations of cognitive grammar: in 2 Vol.* – Stanford: Stanford University Press, 1987. – Vol. 1: *Theoretical Prerequisites*. – 516 p. 21. Langacker R.W. *A Dynamic Usage-Based Model* // *Usage-Based Models of Language* / Ed. by M.Barlow, S.Kemmer. – Stanford, California: CSLI Publications, 2000. – P.1-64. 22. Ruthrof H. *Semantics and the Body: Meaning from Frege to the Postmodern*. – Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press, 1997. – 321 p. 23. Wierzbicka A. *Lexicography and Conceptual Analysis*. – Ann Arbor: Karoma, 1985.-368 p. 24. Wierzbicka A. *Semantics, Culture and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. – Oxford: Oxford University Press, 1992. – 487 p. 25. Wierzbicka A. *Semantics: Primes and Universals*. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – 500 p.